

89

Когда Эдита променяла папу на полковника КГБ, а жутко страдала

Позже у родителей появилась первая в жизни отдельная квартира — двухкомнатная, на окраине города, в Кулчино. Много народу всякого бегемного бывало. Хорошо помню Илью Резника, с которым мой папа Александр Броневичко много песен написал. Дядя Илья не был тогда поэтом в чистом виде — он совмещал это с работой в Театре Комиссаржевской, где служил в те времена актером. Хотя уже гремел на всю страну с песней «Золушка» в исполнении Сенчиной... Часто бывал Муслим Магомаев. Помню, всегда входил такой неземной, высокий и улыбающийся — я страшно его стеснялась и пряталась. Там же, в Кулчино, бывала и Мирей Матье — не то чтобы она с родителями так уж сильно дружила, но все равно ее очень ждали...

Я хорошо помню, как меня родители брали с собой в Париж. Мама до этого там была дважды на гастролях и пела в знаменитой

парижской «Олимпии». Наверное, могла бы стать там звездой — она безумно понравилась главному импресарио «Олимпии» Кокатриксу и он даже был в нее влюблен. Ревновал ли отец маму, в частности, к Кокатриксу, не знаю. Но тем же Кокатриксом маме было сделано предложение остаться в Париже и становиться большой французской звездой. Она отказалась.

Когда мне стукнуло четырнадцать лет, родители развелись. Мне было плохо, и я страшно переживала. Мама хотела, чтобы они и после развода не ломали совместную работу, продолжали сотрудничество. Но папа сказал, что так не может. Он вообще старался не поддерживать с мамой никаких отношений, что меня жутко расстраивало. Чуть раньше появился Геннадий Иванович, полковник КГБ, кураторский Ленконцерт. Он был красив и страшно напоминал Бельмондо. Поначалу я ненавидела этого человека всеми фибрами моей души — ведь он был виноват в том, что папа теперь не с нами! И я ему всячески вредила: старалась напомнить про него что-нибудь плохое маме, подстроить какую-нибудь мелкую пакость.

После того как Геннадий Иванович уже расстался с моей мамой, он стал директором театра «Буфф», в который я попала после института по распределению. Потом сто лет мы с ним не переписались, а пару лет назад встретились в Питере, он предложил меня подвезти. И все приговаривал: «Эх, как я маму твою люблю!» В тот же вечер мне позвонили: «Геннадий Иванович только что умер от обширного инфаркта...»

Захотев собаку, взяла маму измором

Лет в десять я страшно захотела собаку и начала изводить этим маму. Она долго пропускала мое нытье мимо ушей, я же не унималась и принялась издавать рукописный журнал, куда клеила собачьи фото, писала нетленку типа «собака — друг человека» и подкладывала все это маме на глаза. В обиде, брала измором. В один прекрасный момент маму мои приставания, видимо, достали, и она, идя по Невскому, купила у какого-то алкоголика щенка, которого тот выдавал за карело-финскую лайку. Хотя собака оказалась дворнягой, впоследствии страшно некрасивой

пьеха дубасила дочь,

лучше я но хамкой ты

Эдита, имей совесть. Артистка со сцены должна нести себя! Так вот, когда мама поняла, что Броневичко мой, была в полнейшей растерянности. Благо в свои 42 надумала рожать Алла — она-то и уговорила Эдиту рожать за компанию.

Срок еще не подошел, папа был на гастролях, родители сошлись и, кажется, повздорили. Мама расстроилась, это, видимо, все и ускорило. Она пешком пришла в роддом и сдалась врачам: начались преждевременные роды, и в результате я родилась семимесячной.

Родителям, которые были страшно популярны, к моменту моего появления на свет дали первую в их жизни жилплощадь — комнату в коммуналке на Петроградской стороне. Прием коммуналка та была со всеми хрестоматийными совковыми делами — сплетнями, неприязню и каждодневными разборками. Была там и своя классическая коммунальная злодейка — из тех, что мыло в суп соседям на терке стругают. Вот таким коммунальным дитем я и росла.

Первое время даже не было коляски, и мама меня носила гулять на руках. Но она же артистка: шла с этим свертком и втягивала живот, чтобы выглядеть красиво. Потом прошло время, и, посоветовавшись со свекровью, мама была отпущена на работу. Бабушка сказала родителям: «Шура, Дита, езжайте на гастроли». Так с тех пор я родителей толком и не видела.

Ухажера Аркадия Гайдара моя бабушка отшила. В этой коммуналке о шести комнатах мне очень нравилось жить — было много детей. По сей день помню девочку, с которой мы играли. Когда разбился Гагарин, написали с ней на платке химическим карандашом слово «Гагарин» и молча, склонив головы, траурно пронесли этот платок по коммунальному коридору: мы росли политически сознательными девочками. В те времена я просто шизела

Мама, папа и я — счастливая семья. За кулисами

Предки поругались, и я родилась семимесячной

Маме долго не решалась рожать: слишком хорошо шли дела на сцене, и нужно было по максимуму использовать момент успеха. В те времена у нее были друзья — известная в ту пору танцевальная пара Алла Ким и Шалва Лаури, она очень к ним прислушивалась и даже считала наставниками на сцене. Был такой момент: мама очень стеснялась своего высокого роста и поэтому не носила каблуков. Они ее за это отчитывали: «Эдита, имей совесть. Артистка со сцены должна нести себя!» Так вот, когда мама поняла, что Броневичко мой, была в полнейшей растерянности. Благо в свои 42 надумала рожать Алла — она-то и уговорила Эдиту рожать за компанию.

Срок еще не подошел, папа был на гастролях, родители сошлись и, кажется, повздорили. Мама расстроилась, это, видимо, все и ускорило. Она пешком пришла в роддом и сдалась врачам: начались преждевременные роды, и в результате я родилась семимесячной.

Родителям, которые были страшно популярны, к моменту моего появления на свет дали первую в их жизни жилплощадь — комнату в коммуналке на Петроградской стороне. Прием коммуналка та была со всеми хрестоматийными совковыми делами — сплетнями, неприязню и каждодневными разборками. Была там и своя классическая коммунальная злодейка — из тех, что мыло в суп соседям на терке стругают. Вот таким коммунальным дитем я и росла.

Первое время даже не было коляски, и мама меня носила гулять на руках. Но она же артистка: шла с этим свертком и втягивала живот, чтобы выглядеть красиво. Потом прошло время, и, посоветовавшись со свекровью, мама была отпущена на работу. Бабушка сказала родителям: «Шура, Дита, езжайте на гастроли». Так с тех пор я родителей толком и не видела.

Ухажера Аркадия Гайдара моя бабушка отшила

В этой коммуналке о шести комнатах мне очень нравилось жить — было много детей. По сей день помню девочку, с которой мы играли. Когда разбился Гагарин, написали с ней на платке химическим карандашом слово «Гагарин» и молча, склонив головы, траурно пронесли этот платок по коммунальному коридору: мы росли политически сознательными девочками. В те времена я просто шизела

«Давным-давно я мечтала стать балериной»

«Мама, папа и я — счастливая семья»

и бесформенной. Но я все равно ее любила. Эта самая «лайка» прожита со мной уйму лет и пережила человек пять генсеков, скончавшись семнадцатилет от роду. У меня к тому моменту уже двое детей было...

За выпускным родительница наблюдала из кустов возле школы

Была у меня подруга закадычная, Аня. Папа у нее был профессор, а мама — искусствовед. Несмотря на это, мы с ней классе в седьмом начали курить, участвовать в своеобразных оргиях, которые назывались «я шла к Ане делать стенгазету». Это значило, что мы ехали на дачу. А там — мальчики, купаются портьвейн. Правда, мы умудрялись хорошо учиться и обе закончили школу чуть не с золотыми медалями. Помню, готовилась к выпускным экзаменам, смоля какую-то папиросу «Шипка» или сигарету «Друг»... Школа у нас была французская, и я активничала в ансамбле французской песни. А один раз выдала нечто сатирическое про нашу класс-

С дочерью на пляже

на хату. Там пытались активно вовлечь во встречу Нового года, но он был никакой. А проснувшись наутро, долго не мог понять, где находится. Но через немыслимый промежуток времени я его все-таки добилась! Мы поженились, у меня родился сын. Жили поначалу у мамы. Квартира у нее не ахти какая большая, и, когда родился Стасик, вся она была завешена пеленками. Мама просто взвыла. Она ведь должна выспаться, отдохнуть между концертами, а тут Стасик круглые сут-

С сыном Стасом и дочерью Эрикой

приговаривая: тебя убью, не вырастешь!

ную, весьма строгую даму. Видимо, переборщили с измором, которого не поняли. Нас развели по-разному классам. Мы были совершенно равные, нахальные и хамили учителям. Я и маме хамила вволю. Однажды нервы у нее не выдержали, и она отдусила меня как сидорову козу, приговаривая: «Я тебя лучше убью, но хамкой ты у меня не вырастешь!» Маму мою, конечно, сложно довести, она человек выдержанный. Но я сумела! Надо сказать, мама хорошо меня тогда отделедала — женщина-то она сильная физически. Потом мы обе плакали, помирились, просили прощения друг у друга. Если бы она меня каждый день била или, как у Горького, порола по субботам — я бы, возможно, этого не запомнила. А так этот мастерски примененный педагогический прием отложился в памяти на всю жизнь.

Саму же Эдиту Пьеху в те времена страшно хотело видеть в школе по моему поводу, но я ее не пукала. Знала, что это будет очень заметно, все будут в нее пальцами тыкать. В итоге очень обидно свалила: не пустила даже на выпускной вечер. Так она с подругой, глотая слезы, наблюдала за всем из кустов около школы.

Своего первого мужа я добилась невероятными усилиями...

На первом курсе института я влюбилась. Причем совершенно безнадежно влюбилась в своего будущего мужа и отца моего сына Стасика. Свою жертву я увидела в институтском коридоре. Шансов у меня в тот момент было немного: в то время меня только что съели с мамой в новогоднем «Огоньке» и вся страна увидела, какая у Пьехи безобразно толстая дочь — чернявая, в очках и с каким-то хвостом ужасным. А влюбилась я в красивого взрослого прибалта, который учился на отделении музыки. Выяснилось, что это студент Пятрас Герулис из Литвы, восстановившийся после академии на соседний курс. В Новый год я со своим однокурсником поехала в общежитие, где проживала моя жертва, и нашла его там порядком «заквашенным». Мы его, как невесту, из того общежития выкрали и повезли к моему другу Лене

и орет. Чуть не единственный раз в жизни она воспользовалась своим статусом суперзвезды и выбила у власти двухкомнатную кооперативную квартиру для меня. Был такой момент, когда мы одно время жили в этой квартире только на мою стипендию — муж учился плохо и стипендию не получал. Вот на пятьдесят рублей я и кроила свой первый семейный бюджет — благо морковка в те времена стоила четыре копейки, а картошка — пять. Так что на эти деньги вполне можно было жить вдвоем. Мало того, я даже академический отпуск не брала — ходила до последнего момента с пупом сдавать экзамены.

К маме я тогда за помощью не обращалась: она ведь меня воспитывала по западному такому типу — мол, свои проблемы реши сама! Вот я их и решила как могла. Сама и решение принимала о том, что и жить мне с Пятрасом совсем ни к чему — такая жизнь не имела бы никаких положительных перспектив, а один отрицательный эмоци. Слишком уж разные мы с ним оказались все: такти люди — это различия и в возрасте, и в интересах, и в менталитете. Вылилось все это в то, что мы с ним и года не прожили — не выдержали, или просто не сложились. Сын Стасик тогда переехал жить к моей маме, своей любимой Дите. Причем не к бабушке Дите, а именно Дите. Он как с пеленок ее Дитой называл, так и по сей день продолжает. Одним словом, бабушкой, вяжущей носок крючком, не воспринимает. Она же всегда мечтала иметь сына, продолжателя рода Пьеха, который в связи с войной и другими жизненными коллизиями пресекался. Поэтому, когда она в ультимативной форме заявила мне, что переводит Стасика не только на свое довольствие, но и на свою фамилию, я сильно не возражала — мне были понятны ее чувства. Жил он у нее, вне гастролей она всегда им занималась — и воспитанием (таким, каким, по ее разумению, надо — я в свое время этим вопросом была обделена куда как больше ввиду дикой гастрольной деятельности маман и сумасшедшей ее популярности в те годы), и образованием. (И учился Стасик везде, где только можно, и даже в Америке с ее легкой руки. В

Стас Пьеха с отцом — первым мужем Илоны

итоге всех этих учеб мы сегодня пришли к тому, что Стасик недавно закончил в Москве известную школу стилистов и активно развивает в себе необходимые навыки: перестригает и перекрашивает все семейство — чего в дороге платформы деньги носить? А квартира наша завалена болванками для париков, самими париками, шиньонами и прочими их, стилистов, прибамбасами.) А я же, разведясь с Пятрасом, тем временем занялась своей личной жизнью, а вернее, поиском своего места в ней. Далеко, впрочем, ходить не пришлось — мой будущий муж Юра Быстров был музыкальным руководителем на нашем курсе в театральном институте. Как-то неожиданно мы вдруг осознали, что жить друг без друга не можем. Итогом этого открытия стало появление на свет моей дочери Эрики, которая, кстати, в свои четырнадцать лет поступила в этом году в музыкальное училище на фортепианное отделение. Словом, пошла по папиным стопам. Некоторое время я и мой муж Юра работали в мамином коллективе — я пела несколько песен в концерте Эдиты Пьехи (где, считаю, прошла колоссальную эстрадную школу!), а Юра тем временем руководил музыкальным коллективом и делал аранжировки песен. Потом началась моя сольная карьера, я пропала всю страну

работу — как выяснилось, сам себе яму рыл. Зовут избранника, а вернее, теперь уже и официального супруга, Евгений Тимошенко — живем вместе, работаем, пишем песни и черепашками темпами (по мере поступления денег от концертов, которых сейчас у всех артистов кот наплакан) стрим дом у кольцевой автодороги. Своего жилья нет — ведь той питерской квартиры я лишилась в результате афер с печально известной фирмой «Властилин»: продала там квартиру, думала, увеличу быстро в два раза денежки (что, кстати, удалось многим моим знакомым), и будет у меня две квартиры — и в Питере, и в Москве, где я просто вынуждена жить в силу специфики моей профессии.

А пока снимаем квартиру на платформе Лось. Так что, если захочется посмотреть на красивую жизнь и вообще как звезды живут, в частности богатая дочь супермиллионерши Эдиты Пьехи, добро пожаловать к нам в Лось-Вегас, на последний этаж «хрущевского» дома.

Евгений Тимошенко — действующий муж

Андрей ДОМНИЧ.

31.8.2000

Броневичко Илона

фото на развороте из семейного архива